

Е. П. Блаватская

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

[Ответ на петицию Чаттерджи и Гебхарда]

Концевые сноски, если не указано иначе, принадлежат Е. П. Блаватской. Слова в квадратных скобках, равно как и курсивы в цитатах из заявления Чаттерджи и Гебхарда, тоже принадлежат ей, как показало сравнение с текстом самого заявления. И в тексте, и в некоторых сносках многоточия не означают пропусков, и по всей видимости, имели целью указать на начало новой мысли, которая выделялась особо.

Чтобы не осталось места для превратных толкований, членам Теософического Общества следует напомнить о том, как оно появилось в 1875 г. Будучи послана в США в 1873 г. с целью организации группы работников на психическом плане, позже я получила указания от своего Учителя и Наставника образовать ядро регулярного общества, цели которого в общем были сформулированы следующим образом:

1. Всеобщее Братство.
2. Между членами не должно делаться никакого различия в зависимости от расы, веры или социального положения, но каждый член должен оцениваться исключительно по его личным заслугам.
3. Изучать философии Востока, в основном Индии, и постепенно представлять их публике в различных работах, интерпретирующих экзотерические религии в свете эзотерических учений.
4. Противодействовать материализму и богословскому догматизму всеми возможными способами, демонстрируя существование в природе оккультных сил, неизвестных науке, а также присутствие психических и духовных сил в человеке; в то же время стараться расширять взгляды спиритов, показывая им, что кроме духов умерших есть многие иные посредники, участвующие в создании феноменов. Суеверия нужно разоблачать и избегать их, а оккультные силы, *благодетельные и вредоносные*, — всегда окружающие нас и проявляющие разными путями своё присутствие, — демонстрировать так, как только позволяют нам наши способности.

Такова была эта программа в общих чертах. Двум главным Основателям не было сказано, что они должны делать, как обеспечить и ускорить рост Общества и желаемые результаты; не было им сообщено и каких-либо определённых идей касательно его внешней организации — всё это было полностью оставлено на их собственное усмотрение. Так что, поскольку нижеподписавшаяся не обладала способностями к такой работе как механическое образование и администрация Общества, управление последним было передано в руки полковника Х. С.

Олкотта, выбранного тогда первоначальными основателями и членами *пожизненным президентом*. Но хотя двум Основателям не сказали, *что им нужно делать*, их чётко проинструктировали насчёт того, *чего они делать не должны*, чего избегать, и чем Теософическое Общество никогда не должно становиться. В качестве противоположностей будущему Обществу были приведены в пример церковные организации, христианские и спиритуалистические секты.¹

Чтобы это стало яснее, конкретизирую:

1) Основатели должны были употреблять всё своё влияние, чтобы противодействовать любого рода *своекорыстию*, настаивая на искренних, братских чувствах между членами — по крайней мере внешне; работая над этим, добиваться духа единства и гармонии, невзирая на великое разнообразие вероисповеданий; ожидать и требовать от членов великой взаимной терпимости и милосердия по отношению к недостаткам друг друга; взаимопомощи в поиске истины во всякой области — нравственной или физической, — и даже в повседневной жизни.

2) Они должны были в самой сильной степени, как только возможно, противодействовать всему, что приближается к *догматической вере и фанатизму* — в том числе вере в *безупречность* Учителей, или даже в само существование наших невидимых Наставников; такой фанатизм следовало пресекать с самого начала. С другой стороны, поскольку требовалось глубокое уважение к личным взглядам и верованиям каждого члена, всякий член, осуждающий веру или религию другого, ранящий его чувства или демонстрирующий назидательное самоутверждение, имеющее характер выговора, когда его о том не просят (взаимный же дружеский совет является долгом, если от него не отказываются) — такой член должен был исключаться. Великий дух свободного исследования, не сдерживаемый кем-либо или чем-либо, должен был поощряться.

Таким образом, в первый год члены теософического объединения, в котором были представлены как все классы общества, так и все верования и взгляды — там были христианские священники, спириты, вольнодумцы, мистики, масоны и материалисты — жили и встречались по этим правилам в мире и дружбе. Было два или три случая исключений за *клевету* и *злословие*. Правила, какими бы несовершенными они ни были, будучи пробными, строго исполнялись и уважались членами. Первоначальный вступительный взнос в 5 долларов был вскоре отменён как *несовместимый с духом объединения* — члены с энтузиазмом обещали поддерживать родительское Общество и оплачивать расходы на *машины для экспериментов и книги*, а также работу секретаря-регистратора² и т. д., и т. п. Это была реформа №1. Три месяца спустя наш казначей мистер Х. Дж. Ньютон, богатый джентльмен из Нью-Йорка, засвидетельствовал, что никто не заплатил ему или иначе не помог оплатить текущие расходы на зал для собраний, канцтовары, печатание и т. п., и что ему пришлось нести тяжесть всех этих расходов *одному*. Недолгое время он еще продолжал выполнять обязанности казначея, а затем *ушёл в отставку*. С тех пор за всё платил Президент-Основатель, полковник Х. С. Олкотт. Он делал это в течение 18 месяцев. Затем, перед отъездом

Основателей в Индию с двумя английскими делегатами (а теперь — их смертными врагами), “взносы” были восстановлены; но собранные деньги предназначались для общества Арья Самадж Арьяварты, к которому Теософическое Общество было присоединено. Это Президент-Основатель оплатил огромные расходы на путешествие из Америки в Индию и обустройство в Бомбее и поддерживал упомянутых делегатов из собственного кармана на протяжении почти полутора лет. Когда ни у него, ни у секретаря по переписке не осталось больше денег, была принята резолюция, что “вступительные взносы” должны идти на поддержание Штаб-квартиры.

Благодаря быстрому росту Общества в Индии постепенно возникли нынешние *Правила* и *Устав*. Они не были созданы по задумке или капризу Президента-Основателя, а стали результатом ежегодных собраний Генерального Совета, проходивших в годовщины. И если члены Совета составили их так, чтобы дать Президенту-Основателю более широкую власть, то это было результатом их абсолютного доверия ему благодаря его преданности и любви к Обществу, а вовсе не доказательством *его властолюбия*, на что намекалось в памфлете “Несколько слов”, о чём, однако, позже.

То, что организация Теософического Общества была *очень* несовершенной, никогда не отрицалось. Людям свойственно ошибаться. Но если можно показать, что президент делал всё, что мог при данных обстоятельствах, и лучшим способом, который он только знал, то никто, и менее всего — теософ, не может обвинить его в грехах всего сообщества, как это делается сейчас. От основателей до самого скромного из членов наше Общество состоит из несовершенных смертных людей — а не из богов. Это всегда заявлялось его лидерами. “Тот, кто *без греха*, пусть бросит первый камень”. Это долг каждого члена Совета — давать советы и выносить на общее обсуждение всякие некорректные действия. Один из *истцов* — член Совета. Никогда не пользовавшийся своими правами члена Совета в том, что касается провозглашаемых ныне жалоб, а потому не имеющий того оправдания, что его честные доклады мол не выслушивались, он, вынося на публику то, о чём сначала должен был заявить в совете, грешит против правила XII. Вся его бумага теперь читается как клеветническое поношение и полна нетеософских и небратских намёков, чего авторы могли вовсе и не иметь в виду.

Это Правило XII — одно из первейших и мудрейших. Именно из-за того, что Президент пренебрёг его обязательным исполнением, когда оно было нужно больше всего, он навлёк на себя свою нынешнюю кару³. Это его слишком большая снисходительность и немудрая небрежность привели ко всем этим обвинениям в злоупотреблении властью, властолюбии, показухе, тщеславии и тому подобному. Давайте посмотрим, насколько они были заслуженными.

Как показывают последние 12 лет, Основатель *почти в одиночку* трудился в интересах Общества и общего блага, а не своего собственного, и единственное сетование, какое можно было от него услышать, что *у него не остаётся времени на саморазвитие и учёбу*. Результаты предмета этой весьма справедливой жалобы вылились в то, что те, ради кого он трудился, были первыми, кто бросил ему упрёк в невежестве относительно некоторых индусских терминов и использовании одного термина вместо другого, — например, в одном случае, в применении к

одному индусскому челе термина “дживанмукта”! Да уж, воистину ужасное преступление.... Мы знаем о “челах”, которые, будучи индусами, уж точно никогда не перепутают такие известные термины *своей* религии, но, с другой стороны, следуют своей высочайшей Теософской Этике и продвигаются к уровню дживанмукты прямой дорожкой эгоистических амбиций, лжи, клеветы, неблагодарности и злословия. Все дороги ведут в Рим, это очевидно, и в природе есть такое явление, как “махатмы”-дугпы..... Однако для дела теософии и истины было бы желательно, чтобы все критики нашего Президента были пусть не столь учёными, но стремились бы к уровню его всепрощающей доброй природы, его глубокой честности, искренности и бескорыстия, как остальные члены, менее склонные обращать свои уши к тем, кто, подобно упомянутым “викариям Брэя”, развили ненависть к Основателям — по причинам неизвестным.

Этот совет предлагается двум теософам, которые недавно сформулировали свои “Несколько слов о теософической организации”. То, что они не одиноки в своих жалобах (которые, будучи переведены с их дипломатического языка на обычный, в данном случае выглядят во многом как просто “*querelle d’allemand*”*) и что эти жалобы в большой мере справедливы, мы честно признаём. Потому автору должно быть позволительно говорить в этом её ответе о теософии и теософах в общем, вместо того, чтобы ограничить *Ответ* исключительно высказанными жалобами. У меня нет ни малейшего желания переходить на личности, но всё же в последнее время из-за вечного трения именно таких “эгоистичных личностей” в Обществе скопилось столько раскалённого материала, что, конечно же, будет мудро вовремя затушить эти искры указанием на их истинную природу.

* Здесь может иметься в виду юридический термин *querela*, иск, а поскольку Гебхард находился в Германии, оттого и *Allemand*. — *Ред.*

Требования реформ и чувство их необходимости не исходят изначально от этих двух жалобщиков. Им уже несколько лет, и вопрос, как *избежать* реформ, никогда не ставился — скорее не удавалось найти такие средства, которые удовлетворили бы всех теософов. И по сей день нам всё ещё предстоит найти “мудреца” с Востока или с Запада, который смог бы не только *диагностировать* болезнь Теософического Общества, но и предложить лекарство и совет, как его излечить. Легко писать: “Неуместно было бы предлагать здесь какие-то *конкретные меры* [для таких реформ, которые, похоже, труднее предложить, чем просто намекнуть на них]. Ведь никто из имеющих какую-то веру в Братство и силу Истины не может не почувствовать, что необходимо”, — заключает критик. Пожалуй, можно иметь такую веру и всё же не чувствовать, что необходимо *больше всего*. Одна голова хорошо, а две лучше, и если нашим строгим судьям пришли на ум какие-нибудь практические реформы, то не поделиться с нами благом их открытия было бы очень даже не по-братски с их стороны. Однако покамест мы получили лишь весьма непрактические предложения реформ повсюду, где какие-либо предложения были вообще высказаны. Например, Основателям и всему центральному Обществу в Штаб-квартире предлагается продемонстрировать свою теософскую природу, живя подобно “птицам небесным и лилиям полевым”, которые не сеют, ни жнут, не трудятся, не прядут и “не имеют мысли о завтра”. Всё это оказывается

трудноосуществимым, даже в Индии, где человек может расхаживать в одеянии ангела, но, тем не менее, вынужден платить квартплату и налоги. Затем выдвигалось второе, третье, четвёртое предложение, причём каждое ещё менее практическое, чем предыдущее..... Неизбежный отказ их осуществить наконец привёл к той критике, которая сейчас вынесена на обозрение.

По внимательном прочтении “Нескольких слов о ...” не понадобится даже очень острого интеллекта, чтобы понять, что хотя там не предлагается никаких “конкретных мер”, весь ход аргументации клонится лишь к одному заключению, представляющему собой нечто вроде силлогизма, скорее индусского, нежели метафизического. Будучи переданы кратко, эти замечания просто таковы: “Уничтожьте указанные плохие *следствия*, уничтожив порождающие их *причины*”. Таково главное откровение этого документа, хотя и причины, и следствия там показаны вопиюще и болезненно предметно, и это можно сформулировать таким образом: Было показано, что Общество — результат и плод работы плохого Президента, а последний — результат столь “нетеософски” организованного Общества и его *хуже, чем бесполезного* Генерального Совета — “уберите эти *причины*, и следствия исчезнут”, то есть Общество перестанет существовать. Это и есть сердечное желание двух *настоящих и искренних теософов*?

Жалобщики, “обратившиеся к *тем, кто заинтересован в прогрессе истинной теософии*” — каковая, по их мнению, похоже, означает “теософию, *отделённую от Общества*” — теперь, наконец, замечены и получают ответ. Они выдвигают следующие возражения:

I. Против формулировки в Правилах относительно власти, которой Генеральный Совет наделяет Президента-Основателя. Это возражение представляется очень правильным. Выражение, гласящее, что долг Совета “будет состоять в *советовании* Президенту-Основателю *касательно всех вопросов, с которыми он к ним обращается*”, может легко толковаться в смысле, что по всем вопросам, с которыми он к Совету *не* обратился... его члены могут попридержать языки. Правила изменены; во всяком случае, они подправляются и изменяются ежегодно. Это предложение можно убрать. Ущерб, пока что, не столь ужасный.

II. Указано, что многие члены Генерального Совета, входящие в него не по должности и значащиеся в его списках, *неизвестны* Съезду; и что они, весьма вероятно, даже не интересуются “вверенным их особому попечению” Обществом, в которое они некогда вступили, а затем, вероятно, *забыли* о его существовании и удалились. Этот аргумент весьма ценен. Но почему бы *официально* не указать членам, проживающим в Штаб-квартире или посещающим её, на неуместность такого парада имён? И каким образом это административное упущение или беспечность мешает или *препятствует* “прогрессу истинной теософии”?⁴

III. “Члены совета назначаются Президентом-Основателем...” — это является предметом жалобы. “Генеральный Совет лишь *советует* по вопросам, поданным на его рассмотрение...”, а Президент-Основатель в то же время наделён властью “*выпускать особые указы и временные правила*” от имени этого (“марионеточного”) совета (Правило IV, с. 20). Более того, утверждается, что из

числа 150 членов Совета кворум в 5 или даже в 3 человека, если будет найдено необходимым *Президентом*, может решать любые жизненно важные вопросы, и т. д., и т. п.

Против такой вот “нетеософской” *демонстрации* власти возражают господа М. М. Чаттерджи и А. Гебхард на том основании, что это ведёт Общество к *царизму*, тирании и папской непогрешимости, и т. д., и т. п. Как бы ни были правы жалобщики *в принципе*, невозможно не увидеть в используемых эпитетах абсурдного преувеличения, ибо только что на одной странице обвинив Президента в “тирании”, “централизации власти” и “институте папства” (с. 9), на другой (с. 11) его представляют как выпускающего из этого “центра царизма” *особые указы*, которых никто не обязан выполнять, *если он сам того не пожелает!* “Широко известно”, — замечает основной автор, — “что не только отдельные люди, но даже и филиалы отказывались платить эти [ежегодные] взносы ... в два шиллинга” (с. 11) без всяких плохих последствий для себя, по всей видимости. Таким образом, представляется, что возражения надо бы выдвигать не против *несуществующего* властного авторитета, а против пустой и бесполезной *демонстрации* власти, на которую никто не обращает внимания. Политика издания “особых указов” с таким печальными результатами и на самом деле предосудительна, но *не из-за авторитарической тенденции*, а просто потому, что она становится *в высшей степени смехотворной*. Нижеподписавшаяся много раз возражала против неё, движимая, впрочем, скорее чувством *мирской* гордости и *нетеософским* чувством самоуважения, чем скромностью, приличествующей йогам. Я с сожалением признаю, что мир насмешников и *нетеософов* может, если услышит об этом, найти в этом основательный повод для потехи. Но настоящее чудо в том, как могут некоторые *европейские* теософы, которые смело презрели мир, позволив ему сделать себя предметом любого количества насмешек, раз поступив в соответствии со своей совестью и своим долгом, делать преступление из того, что даже в худшем случае является *безвредной*, хотя и смехотворной, ноткой тщеславия: желания Основателя придать важность не себе, а Обществу, за которое он *готов умереть в любой день*. Один вид насмешек стоит другого. Западного теософа, который по неким магнетическим причинам носит длинные волосы и демонстрирует эксцентричность в своей одежде, можно щадить не менее, чем его Президента с его “особыми указами”. Только вот последний, оставаясь дружески и братски расположен к “отдельным теософам и даже филиалам”, которые презревают его и его “указ”, отказываясь платить, как платят остальные, показывает себя *в десять раз большим теософом и верным принципу Братства*, чем первый, который осуждает и поносит его немилосердными словами, вместо того, чтобы по-доброму предупредить его о возможных плохих последствиях. К сожалению, как раз не те, кто громче всех говорит о добродетели и теософии, являют лучшие примеры и того, и другого. Немногие из них, если вообще такие были, попытались вынуть бревно из своего глаза, прежде чем поднять голос о соринке в глазу брата. Более того, в наши дни, похоже, стало прямо-таки повальным увлечением у теософов неистово порицать, но никогда не предлагать свою помощь по извлечению *любых* таких *соринок*.

Общество резко критикуют за то, что оно просит каждого добропорядочного теософа (причём бедные с самого начала от этого освобождены) ежегодно платить

два шиллинга на покрытие расходов Штаб-квартиры. Это порицается как “нетеософское” и “небратское” установление, а вступительный взнос в один фунт объявляется не менее чем “торговлей Братством”. В этом отношении наше “Братство” опять же может показать, что она находится на гораздо более высоком уровне, чем любое другое объединение прошлого или настоящего. Теософическое Общество никогда не выказывало амбициозных претензий затмить в *теософии* и *братских качествах* первоначальное Братство Иисуса и его апостолов,⁵ однако их “организация”, помимо того, что она просила, и ей иногда отказывали, помогала себе и *не прося*, и фактически входила в *настоящее* сообщество Братьев. Тем не менее, такое действие, — которое казалось бы крайне нетеософским и предосудительным в нашу эпоху культуры, когда лишь целым нациям оставлена привилегия прикармливать собственность друг друга и ожидать почтения за это, — похоже, не было препятствием на пути обожествления и причисления к лику святых упомянутой древней “братской” группы. Наше общество никогда и не помышляло подняться выше *братства* и *этики*, проповеданных Христом, а лишь выше *этики поддельного* христианства церковью — как первоначально было заповедано нашими Учителями. И если мы поступаем не хуже, чем евангельское Братство, и гораздо лучше, чем любая церковь, которая исключила бы любого своего члена, который слишком долго отказывается платить свои церковные взносы, то действительно трудно понять, почему наша “организация” должна подвергаться остракизму со стороны своих собственных членов. Как бы то ни было, перья последних должны бы показать себя менее жёсткими в эти бедственные дни, когда каждый, похоже, склонен искать в нашем Обществе недостатки, и лишь немногие — помогать ему, и когда Президенту-Основателю приходится одному трудиться вместе с немногими преданными теософами в Адьяре, могущими оказать ему помощь.

IV. “Не существует такого учреждения, как Родительское Общество”, — говорят нам на с. 2 и 3, — “Оно исчезло из Правил и ... не имеет *законного* существования”. ... Общество было “отменено”, и официально оно *не существует*, но не в большей степени, чем всякий отдельный теософ. Есть ли хоть один член на всём земном шаре, который был бы признан *законом* или перед магистратом в качестве *теософа*? Почему же господа “жалобщики” считают себя “теософами”, если последнее определение имеет не больший легальный статус, чем упомянутое “Родительское Общество” или сама Штаб-квартира? Но такое общество *существует*, и оно будет продолжать существование, пока жив хоть один человек из первоначальной группы теософов-Основателей. Это — в смысле организации, поскольку в том, что касается нравственных качеств, Родительское Общество означает то небольшое ядро теософов, которые среди бурь и ударов свято держатся *первоначальной программы* Т. О. в таком виде, как было установлено под руководством и по указаниям тех, кого они признают, — и будут до своего последнего дыхания признавать истинными инициаторами Движения — их *живых*, святых Учителей и Наставников.⁶

V. Жалобщики, утверждая, что Т. О. имеет “законы без санкции, официальную организацию без законности, Родительское Общество без существования”, и — хуже всего — “Президента-Основателя *превыше всех правил*”, таким образом,

оказываются точны лишь *отчасти*. Но будь они даже абсолютно правы, было бы легко упразднить такие правила одним росчерком пера, или изменить их. Но тут следует весьма любопытная часть строгой филиппики против Т. О., составленной нашими красноречивыми демосфенами. После шести (из двенадцати) страниц, наполненных вышеупомянутыми обвинениями, на седьмой автор признаёт, что они таки были изменены таким образом! “Вышесказанное”, — узнаём мы (и довольно поздно), — “было написано в результате *неверного представления*, что правила, датированные 1885 годом, являются последними. С тех пор обнаружилось, что есть более новая версия Правил, датированная 1886 годом, в которой *прежние правила изменены в очень многих пунктах*”. Так тем лучше! Зачем вспоминать ошибки прошлого, если их больше нет? Но обвинители не видят это в таком свете. Они преисполнены решимости действовать в качестве теософской Немезиды, и нисколько не уstraшившись таким открытием, тем не менее, добавляют, что “*необходимо* исследовать более ранние правила, дабы выявить *принцип, лежащий в основе* в том числе и нынешних правил”. Это напоминает басню “Волк и ягнёнок”. Но, — как вы видите, — “главный момент заключается в том, что Съезд *не имеет власти устанавливать какие-либо правила*, поскольку такая власть *противна духу теософии*”, и т. д., и т. п.

Но это самый необыкновенный аргумент, какой только можно выдвинуть. Если так, то невозможно никакое братство, общество или ассоциация. Более того: никакой теософ, каким бы святым он ни был в этой жизни, не имел бы права называть себя таковым, поскольку всегда было бы *необходимо* исследовать его *прошлую жизнь*, чтобы “выявить *основополагающий принцип*”, управляющий природой данного человека — и десять шансов против одного, что он был бы найден недостойным называться теософом! И этот эксперимент вряд ли бы оказался приятным для большинства тех, кого преобразила связь с Теософическим Обществом; а таких здесь очень даже много.

После таких злобных и жестоких обвинений можно было бы ожидать каких-то добрых, дружеских и теософски *практических* советов. Вовсе нет, ничего такого не предлагается, ведь на с. 9 нам уже было сказано, что “неуместно предлагать здесь какие-либо конкретные меры. Всякий, у кого есть хоть какая-то вера в Братство и силу Истины, *не может не понять*, что именно необходимо”. Президент-основатель, видимо, *не имеет веры* ни в “Братство”, ни в “силу Истины”. Это становится очевидно, поскольку он *не смог* понять, что а) Штаб-квартира, круглый год открытая для *всех* теософов любой расы и любого общественного положения и предоставляющая им бесплатное питание и проживание, была *небратской* организацией; что б) “центральная контора в Адьяре для ведения записей и сбора информации” с её европейскими и индийскими жителями, которые работают *бесплатно* и помогают ей собственными деньгами, когда имеют их, — должна продолжать работу согласно методу и принципам Джорджа Мюллера из Бристоля, а именно, что весь персонал работников Адьяра и прочие проживающие там лица во главе с Президентом-Основателем каждое утро должны преклонять колена в молитве о хлебе и молоке, уповая на “чудесное” их получение, и, наконец, что в) всё благо, которое делает Общество, это вовсе не хорошо, а “духовно неверно”, поскольку предполагает

называть “ограниченное направление хорошей работы [теософии] Божественной Мудростью”.

Нижеподписавшаяся — вечно терпеливый теософ, и до сих пор работала под впечатлением, что каково бы ни было количество тонкой схоластики и вымученной казуистики, они всё равно когда-нибудь обретут, подобно Розеттскому камню, своего Шампольона. Самым проницательным среди теософов теперь предлагается понять из этого воззвания в “нескольких словах”, что автор или авторы клонят к тому, что простым и нелакированным языком можно было бы выразить так: “Долой Теософическое Общество, его Президента-Основателя и Штаб-квартиру!” Это единственно возможное объяснение для двенадцати страниц обвинений, ответить на которые я сейчас пытаюсь. Действительно, что можно извлечь из следующей мешанины противоречивых заявлений? —

а) Президент-Основатель на протяжении всего документа показан как “тиран”, “*желающий стать Цезарем*”, “стремящийся к *папской* власти”; такие выражения как “венецианский совет трёх” и другие с подобным смыслом встречаются почти в каждом предложении обзриваемого нами документа. И тут же заявляется, что “Лондонская Ложка Теософического Общества *совершенно игнорирует правила* [папы-цезаря], опубликованные штаб-квартирой в Адьяре”! (с. 4) И тем не менее “Л. Л. Т. О.” всё ещё живёт и дышит, и никто не слышал, чтобы против неё была произнесена какая-нибудь анафема.

б) Правило XIV заявляет, что Общество должно “заниматься *только* научными и философскими предметами”, а потому “совершенно *очевидно* [?], что власть и положение, устанавливаемые Правилами для Президента-Основателя, Генерального Совета и Съезда, противоречат духу объявленных целей...”

Пожалуй, здесь было бы неплохо процитировать весь абзац, в котором встречаются эти слова,⁷ раз уж дошло до разбора тонкостей, связанных с возможно неверной реакцией на правила. Разве не очевидно, что слова “только научными и философскими предметами” были необходимым предупреждением *истинным* теософам, которые, занимаясь политикой *в рамках* любого отделения Общества, могли навести позор на всё Общество и погубить его — прежде всего в Индии? Разве у нас нет более 140 обществ, рассыпанных по четырём частям света, и разве не должны мы заботиться о них? Как и в случае с махатмами и адептом, активную работу Теософического Общества (вольно или невольно — не мне решать) путают с теософией. Здесь нет нужды вдаваться в разницу между горшком, содержащим жидкость, и самой жидкостью, или её природой. Нам говорят: “Теософия учит *само-культуре*, ... а не контролю”. Но теософия учит *взаимной культуре*, которая должна предшествовать *само-культуре*. Единство — это сила. Именно собрав многих теософов одного типа мышления в одну или более групп и тесно объединив их узами братского единства и симпатии, можно осуществить цели *взаимного* развития и прогресс теософической мысли. “Само-культура” — это для изолированных хатха-йогов, независимых от какого-либо общества и избегающих общения с человеческими существами; и это есть ЭГОИЗМ *тройной степени очистки*. Для настоящего нравственного развития — “где двое или трое соберутся” во имя ДУХА ИСТИНЫ, там и Дух Теософии *будет среди них*.

Говорить, что теософия не нуждается в Обществе, проводнике и центре её, это всё равно, что утверждать, что мудрость веков, собранная в тысячах томов Библиотеки Британского Музея, не нуждается ни в здании, где они хранятся, ни в самих содержащих её трудах. Почему бы не посоветовать британскому правительству, проявившему столь *мирскую ориентацию* и недостаток понимания, уничтожить музей и все проводники мудрости? Зачем тратить такие суммы денег и платить столь многим служащим за то, что они присматривают за его сокровищами, тем более, что многие из них совсем непричастны Духу этой Мудрости и даже противостоят ему? Директора таких музеев могут быть или не быть очень совершенными людьми, а некоторые из их помощников никогда и не открывали ни одного философского труда; и тем не менее, это они, заботящиеся о библиотеке и сохраняющие её для будущих поколений, будут достойны благодарности последних. Насколько же большей благодарности достойны те, кто, как наши жертвующие собою теософы в Адьяре, посвящают свою жизнь и щедро служат благу человечества!

Были высказаны также возражения против дипломов и хартий, а главным образом — против вступительного взноса. Последний был назван “налогом” или “побором”, а потому “*несовместимым* с принципом Братства”. “Дар по принуждению — это *не по-братски*”, и т. д., и т. п. Было бы любопытно посмотреть, к чему пришло бы Т. О., если бы Президент-Основатель религиозно следовал предложенным советам. “Посвящение” при приёме в Европе было почти упразднено, и это *привело к тому*, о чём скоро стало известно: нет нужды об этом сейчас упоминать. Теперь за ним последуют хартии и дипломы. Ни для группы, ни для отдельных лиц не будет документа, удостоверяющего их принадлежность к Обществу. Отсюда также совершенная свобода называть себя теософом или отрицать, что являешься таковым. Вступительный взнос? Воистину, его надо считать ужасным и *небратским* “побором” и “вымогательством” перед лицом тысяч масонских лож, клубов, ассоциаций, обществ, лиг и даже Армии Спасения. Первые ежегодно “вымогают” членские взносы, последние — во имя Иисуса “стригут” массы, и, призывая к *добровольным* пожертвованиям, заставляют платить новообращённых, и в свою очередь платят каждому из своих сотрудников, ни один из которых не станет служить “Армии” за просто так. Однако, возможно, было бы неплохо, если бы наши члены последовали примеру масонов в солидарности мыслей и действий, и, по крайней мере, во *внешнем* единстве, и ведь масоны подают его несмотря на то, что масонские ложи получают от своих членов в тысячу раз больше, а дают им ещё меньше, чем это делаем мы, будь то в отношении нравственном или духовном. Эта одна единственная гиней, ожидаемая от каждого нового члена, как было подсчитано, тратится за одну неделю на почтовые расходы и переписку с теософами. Или мы должны понимать это так, что вся переписка с членами — теперь оставленными на *само-культивирование* — должна тоже прекратиться, последовав за дипломами, хартиями и прочим? Тогда действительно, Штаб-квартиру и контору лучше закрыть. Однако, разрешите задать простой *вопрос*: отменены ли ежегодный взнос в 1 фунт в Лондонскую Ложу и 2/6 пенса в Восточную Группу как “акты небратского вымогательства”, и если так, то как давно они стали считаться “*продажей* Братства”?

Продолжим. Обвинения доходят до следующих замечаний, столь глубоких, что нужна более светлая голова, чем наши, чтобы прознать, что лежит за словами, в них содержащимися. “Теософическое Общество — братство или нет?”, — вопрошает истец, — “а если да, то возможно ли иметь в нём какой-либо *центр произвольной власти*?”⁸ Утверждать необходимость такого центра — лишь окольный путь сказать, что никакое братство невозможно вообще,⁹ и фактически *сама необходимость такого центра никоим образом* не доказана. [?!] Несомненно, существовали братства, возглавляемые отдельными учителями [были и *ещё есть* — Е. П. Б.], но в таких случаях учителя никогда не избирались *по географическим* или иным соображениям [?]. Естественный предводитель людей всегда узнавался по тому, как он воплощает дух человечества. Устраивать выборы — это почти святотатство. Величайший из людей — это тот, кто всегда больше всех готов служить и всё же не сознаёт Служения. Давайте остановимся, прежде чем окончательно навесить жёрнов мирского на шею теософии. Давайте не будем забывать, что теософию не взрастить среди нас *силой и управлением*, но делается это лишь благодаря *солнечному свету братских отношений и росе самозабвения*. Если мы не верим в Братство и Истину, то давайте посыпем свои головы пеплом и будем *плакать в рубищах из мешковины*, а не радоваться в багряницах власти и праздничных одеждах гордости и мирских интересов. Уж лучше, чтобы имя теософии никогда не было услышано, чем использовалось бы как девиз для *института папства*”.

Кому из не знающих, что вся эта цветистая риторика направлена против несчастного Президента-Основателя, по прочтении этого не представится образ Александра Борджиа, Калигулы, или, по крайней мере, генерала Бута в его новейшей метаморфозе! Когда, как и чем наш добродушный, бескорыстный и всегда любезный Президент заслужил такую цicerонову тираду? Осуждаемое нашим обвинителем положение вещей существует уже почти 12 лет, и обвинитель знал о нём и даже принимал активное участие в организационных делах, съездах, советах, составлении правил и т. п. в Бомбее и в Адьяре. Эта злобная вылазка, несомненно, была сделана благодаря “САМО-КУЛЬТУРЕ”? Критик перерос Движение и отвернулся от первоначальной программы; оттого и его суровость. Но где тут *истинно теософское милосердие*, терпимость и “*солнечный свет братства*”, о которых только что говорилось и на которых он так настаивал? Воистину, легко проповедовать “росу самозабвения”, когда больше не о чем думать, кроме как о сочинении таких вот гладких фраз. Вот если бы ежедневные потребности и даже удобства, жильё, обстановка и прочее каждого теософа в Адьяре обеспечивались бы каким-то более богатым теософом, и “солнечный свет братских чувств” изливался на него, как и на критика, нашедшего себе бесконечную братскую заботу и доходящую до самопожертвования преданность двух других благородно мыслящих членов, тогда бы Президенту-Основателю было бы мало нужды взывать к нашим теософам и унижаться перед ними. Ибо, если он вынужден *выпрашивать* два шиллинга в год, то это для того, чтобы те европейцы и индийцы, которые денно и нощно работают в Адьяре, служа бесплатно и получая за это мало благодарности и чести, могли иметь хотя бы *одноразовое питание*. Свежей “росе само-забвения” нельзя позволять охлаждать сердце и превращаться в смертоносный прах забвения, тем более в такой степени, как это имело место. Наш строгий критик, похоже, упустил из виду

тот факт, что во время последнего кризиса вся команда наших преданных адьярских работников, начиная от Президента и до младшего из братьев, служащих в конторе, целыми месяцами жили на 5 пенсов в день, ограничив свою еду до минимума. И *эти гроши*, годовые взносы в 2 шиллинга, совестливо уплачиваемые некоторыми, теперь называются *поборами* и желанием жить “в багряницах власти и праздничных одеждах гордости и мирских интересов”!

Наш “брат” прав: давайте “плакать в рубищах и посыпать головы пеплом”, раз уж Т. О. придётся переносить ещё больше такого *небратского* критицизма. Действительно, “гораздо лучше было бы, чтобы имя теософии никогда не было услышано, чем если бы оно использовалось как девиз” — не *папской власти*, которой в Адьяре нигде нет, кроме как в воображении критика, а “фанатизма от саморазвития”. Все великие услуги, оказанные жалобщиком Обществу, вся благородная работа, проделанная им, поблекнут и исчезнут перед таким проявлением жестокосердия. Ведь он не может желать *уничтожения* Общества? Да если бы и желал, это было бы бесполезно: Т. О. *не может быть уничтожено как объединение*. Это не в силах ни Основателей, ни их критиков; и ни друг, ни враг не может разрушить то, чему *суждено существовать*, несмотря на все ошибки его предводителей. То, что было основано “Высокими Учителями” и создано с их помощью и под их патронажем, если не под прямым руководством, ДОЛЖНО И БУДЕТ ЖИТЬ. Все и каждый из нас в нём получают свою карму, но *проводник* теософии будет стоять нерушимо, и его не сокрушит рука ни человека, ни демона. “Истина не выясняется голосованием”, но в случае нашего премного оскорбляемого Президента-Основателя она выявится демонстрацией *фактов*. Терниста и полна западной крутая тропа, по которой в первые годы ему пришлось карабкаться в одиночку, без всякой помощи. Ужасно было внешнее сопротивление Обществу, которое ему предстояло построить, и болезненным и разочаровывающим бывало предательство, с которым он часто встречался в Штаб-квартире. Повсюду враги скалили ему зубы прямо в лицо, а те, кого он считал верными друзьями и сотрудниками, предавали его и Дело при малейшей к тому провокации. И там, где сотни других бы изнемогли и бросили в отчаянии всё предприятие, он стойко и непоколебимо продолжал взбираться вверх и трудиться, как и раньше, без страха и усталости, поддерживаясь одной лишь мыслью и одним убеждением, что он выполняет свой долг. Какой иной побудительный мотив имел Основатель, кроме своего обета теософа и чувства долга по отношению к Тем, кому он обещал служить до конца жизни? У него был один маяк — рука, впервые указавшая этот путь вверх, — рука Учителя, которого он так любит и чтит, и которому так преданно, хотя может быть и не всегда мудро, служит. Как президент, избранный пожизненно, он, тем не менее, не раз был готов уйти в отставку в пользу любого, кто оказался бы более достойным, чем он, но ему ни разу не позволило большинство, и это было не “подъёмом рук”, а “подъёмом сердец”, поскольку немногие больше, чем он, любимы большинством даже тех, кто иногда критикует его действия. И это только естественно: хотя много может найтись вокруг него таких, кто более искусен в администрировании, учён в философии, метафизике, умел в тонкой казуистике или повседневной политике, но можно обыскать весь земной шар и не найти человека столь преданного своим друзьям, верного своему слову, и преданного реальной, практической теософии, как наш Президент-Основатель, а это и есть главные требования для предводителя

движения, которое стремится стать братством людей. Обществу не нужны Лойолы; оно должно избегать всего такого, что приближается к казуистике, не нужны нам и слишком большие казуисты. Там, где каждая индивидуальность должна вырабатывать собственную карму, суждение казуиста, берущегося объявлять состояние души своего брата или направлять его совесть, бесполезно, и может быть определённо вредным. Основатель не притязает на то, чтобы иметь больше прав, чем любой другой член Общества: у него есть *право личного суждения*, которое, если расходится с мнением отделений или индивидуальных членов, тихо откладывается в сторону и *игнорируется* — как было показано самими жалобщиками. Это единственное преступление обвиняемого, и ничего худшего, чем это, нельзя положить к его дверям. И какую же награду получает этот добрый человек? Ему, который никогда не отказывал в услугах, выходящих за то, что он считает своими должностными обязанностями, ни одному живому существу; ему, который спас дюжины людей, молодых и старых, от беспутной и часто безнравственной жизни, а других — от страшных переделок, в которые они попали, дав им безопасное убежище в Обществе; ему, который поставил других *благодаря положению в этом Обществе* на вершину святости, тогда как иначе они могли бы оказаться сейчас в сетях “мирского”, если не в ещё худшем положении; ему, истинному другу всякого теософа и вправду “больше всех готовому к служению и не сознающему его”, теперь делают выговор, и за что? — За незначительные ошибки, за бесполезные “особые указы”, за скорее *детскую*, чем нетеософскую любовь к внешним эффектам, что делается только из чистой преданности своему Обществу. Стоит ли нам быть настолько немилосердными к *человеческой природе*, чтобы назвать *нетеософским*, мирским и грешным естественное побуждение матери так одеть своего ребёнка и так показать его, чтобы он выглядел с лучшей стороны? Над таким сравнением могут посмеяться, но разве что лишь те, кто подобно фанатичным христианам древности и голым и лохматым йогам Индии больше не имеет никакого снисхождения к малейшим человеческим слабостям. И всё же, сравнение это совершенно верное, поскольку Теософическое Общество есть дитя и любимое создание Основателя; его можно вполне простить за эту чрезмерную любовь к тому, ради чего он трудился и страдал больше, чем все другие теософы вместе взятые. За это он был назван “мирским”, “властолюбивым” и “*нетеософским*”. Замечательно, но тогда пусть любой беспристрастный судья сравнит жизнь Основателя с жизнями большинства его критиков и посмотрит, которая была *наиболее теософской* с самого начала существования Общества. И если не достигнуто лучших результатов, то не Президенту нужно делать выволочку за это, а самим членам, так как он всегда старался помочь росту Общества, тогда как его “члены” либо ничего не сделали для этого, либо создавали препятствия на пути его прогресса — активно или по небрежению. Лучше уж немудрая *деятельность*, чем лошадиная доза слишком мудрой *бездеятельности*, апатии и безразличия, которые всегда означают смерть предприятия.

Тем не менее, это члены теперь стремятся воссесть на троне Соломона, и это они говорят нам, что Общество бесполезно, его Президент определённо вреден, а от Штаб-квартиры надо избавиться как от “организации, называемой теософической, но являющей многие черты, серьёзно мешающие прогрессу теософии”. Деревья, однако, узнаются по плодам. Только что было показано, что никакие “особые

указы”, исходящие из “центра власти”, именуемого Адьяром, никоим образом не могли воздействовать ни на отделения, ни на отдельных людей, а потому всякий теософ, склонный к “само-культуре”, “само-инволюции” или любому другому виду *самости*, волен заниматься этим; а вот если он, вместо того, чтобы пользоваться своими правами, будет употреблять свои мозговые способности на критику действий других людей, тогда это он становится тем, кто чинит препятствия, а вовсе не “организация, называемая теософической”. Ибо, если где на земном шаре и практикуется теософия, так это в Адьяре, в Штаб-квартире. Пусть “те, кто заинтересованы в прогрессе истинной теософии”, к которым взывают авторы, осмотрятся вокруг и рассудят. Пусть посмотрят на отделения и сравнят их с группой, работающей в этом “центре власти”. Полюбуйтесь на “прогресс теософии” в Париже, Лондоне и даже в Америке. Узрите в великом “братстве” настоящий *пандемоний*, которым мог бы гордиться сам Дух Вражды и Ненависти. Повсюду — ссоры и борьба за господство; а в последние два года — злословие, клевета и постоянные скандалы. В общем, настоящее поле брани, на котором некоторые члены, пытаясь опозорить других, так опозорили себя и своё Общество, что своими копаниями в могилах прошлого в надежде извлечь старые забытые сплетни и скандалы, стали больше похожи на гиен, чем на людей!

И только в Адьяре, штаб-квартире Теософического Общества, теософы таковы, какими они должны быть везде: *истинные теософы*, а не просто философы и софисты. Только в этом центре сейчас собрались немногие практически работающие члены, которые тихо и непрерывно трудятся, тогда как те братья, для блага которых они работают, сидят в *dolce far niente* (сладком ничегонеделании — *пер.*) Запада и критикуют их. Разве это “истинно теософское и братское дело” — советовать ликвидировать единственный центр, где совершается по-настоящему братская и гуманитарная работа?

“Теософия сначала, организация потом”. Золотые слова. Но где бы слышали сейчас о теософии, если бы не было организовано общество для неё, прежде чем её дух и спрос на неё распространились по всему миру? И изучались ли бы когда-нибудь веданта и другие индийские философии в Англии вне стен Оксфорда и Кембриджа, если бы не было той организации, которая бы выудила их, как забытые жемчужины, из океана забвения и невежества, и не представила бы их миру профанов? Нет, добрые братья и критики, сами индусские толкователи этой возвышенной философии не были бы известны вне стен Калькутты, если бы не Основатели, которые, следуя полученным УКАЗАНИЯМ, добились признания замечательной учёности и философии этих людей в главных центрах культуры и цивилизации Европы — Лондоне и Париже. Воистину, ломать — не строить. Слова “небратский” и “нетеософский” постоянно звенят в наших ушах, но чрезмерного избытка по-настоящему теософских действий и слов что-то не встретить у тех, кто часто повторяет эти порицания. Но какими бы незначительными ни были добрые дела и каким бы ограниченным ни было их направление, всё равно они будут всегда иметь больше веса, чем пустая и тщеславная болтовня, и будут *теософией*, тогда как теории без всякого практического осуществления будут в лучшем случае философией. Теософия есть всеобъемлющая наука; многие пути ведут к ней, как многочисленны фактически и её определения, начиная с возвышенных, данных во времена Аммония Сакка, и

кончая смехотворными, как в словаре Вебстера. Нет такой причины, почему бы наши критики могли бы притязать на исключительное право *знать*, что такое теософия, и определять её. Теософы и теософические школы были на протяжении последних 2000 лет, с Платона до средневековых алхимиков, которые, надо полагать, знали цену этого термина. Потому, когда нам говорят, что “вопрос не в том, делает ли Т. О. добро, а в том, делает ли оно *тот вид добра, который достоин имени теософии*”, мы можем осмотреться вокруг и спросить: “а кто судья в этом спорном вопросе?”. От одного из величайших теософов всех времён мы слышим, что “кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя” [теософии], получит награду большую, чем все учёные книжники и фарисеи. “Горе миру от оскорблений!”. Учителя никогда не делались в Теософическом Обществе предметом веры. Но для его Основателей указания, полученные от них при его создании, всегда оставались священными. Вот что написал один из них в письме, сохранённом и поныне:

“Теософия не должна представлять собой просто коллекцию моральных истин и метафизической этики, излагаемую в теоретических диссертациях. Теософию нужно сделать практической, а следовательно — освободить от нагромождений бесполезных дискуссий: она должна найти объективное выражение во всеобъемлющем кодексе жизни, оплодотворённом её духом — духом взаимной терпимости, милосердия и любви. Её последователи должны явить пример твёрдой и неукоснительно применяемой нравственности, прежде чем получат право указывать, даже по-доброму, на отсутствие подобного этического единства и целеустремлённости у других объединений или индивидуальностей. Как было сказано ранее, ни один теософ не может порицать своего брата внутри или вне Общества, порочить его дела или осуждать его,¹⁰ не теряя сам при этом права считаться теософом. Всегда отводите свой взгляд от несовершенств своего ближнего и сосредоточивайте ваше внимание скорее на ваших собственных недостатках, чтобы исправить их и стать мудрее..... Не указывайте на расхождения между заявлениями и действиями другого человека, будь это брат или сосед — лучше помогите ему в его трудном жизненном пути..... Задача истинной теософии и её великая миссия — в том, чтобы выработать ясные, недвусмысленные представления этических идей и обязанностей, которые лучше всего удовлетворили бы наши самые альтруистические и правильные чувства, а также выражение их в таких формах повседневной жизни, где бы они могли быть применены с наибольшей справедливостью.... Такова общая работа, стоящая перед всеми желающими действовать по этим принципам. Это трудная задача, которая потребует напряжённых и неослабных усилий, но это должно незаметно для вас самих повести вас к прогрессу и не оставить места для эгоистичных стремлений, выходящих за рамки..... Не погрязайте в небратских сравнениях между задачами, выполненными вами, и работой, которая осталась несделанной вашим ближним или братом на ниве теософии, поскольку *ни от кого не требуется возделывать больший участок земли, чем позволяют ему его силы и способности*..... Не будьте слишком строги к достоинствам и недостаткам того, кто стремится быть принятым в ваши ряды, поскольку истина о действительном состоянии внутреннего человека может быть известна одной лишь КАРМЕ, и лишь она может вынести справедливое суждение. Даже само присутствие среди вас симпатизирующего вам человека с добрыми намерениями может магнетически помочь вам... Вы —

Вольные работники во владениях Истины, и, как таковые, должны не оставить препятствий на путях, ведущих к ней.” ... [Письмо заканчивается следующими строками, которые становятся сейчас совершенно ясными, поскольку дают ключ ко всей ситуации] ... *“Степени успеха или неудачи — вот ориентир, которому нам придётся следовать, поскольку они составляют препятствия, поставленные вашими собственными руками между вами теми и теми, кого вы попросили быть вашими учителями. Чем ближе вы подходите к намеченной цели, тем короче расстояние между учеником и Учителем...”*

В вышеприведённых строках находится полный ответ на бумагу, составленную двумя теософами. Те, кто ныне склонен отвергать начертавшую их Руку и готовы повернуться спиной ко всему прошлому и первоначальной программе Т. О., вольны сделать это. Теософическое Общество — не церковь и не секта, и каждое индивидуальное мнение имеет право быть услышано. Теософ может идти вперёд и развиваться, и его взгляды могут перерасти взгляды Основателей, став больше и шире во всех направлениях, вовсе не покидая той основы, той почвы, на которой они были рождены и выращены. И только тому, кто диаметрально меняет своё мнение изо дня в день и переводит свой преданный взор с белого на чёрное, вряд ли можно доверять в его словах и делах. Но, конечно, этого никогда не может быть с двумя теософами, которым я сейчас ответила...

А пока — мир и братские добрые пожелания всем.

Е. П. Блаватская, секретарь по переписке Т. О.

Остэнде, 3 октября 1886.

СНОСКИ

1. Один член Т. О., христианин либеральных взглядов, возражал против изучения восточных религий и сомневался, осталось ли ещё место для какого-либо нового общества. Нами было получено письмо с ответом на его возражения и предпочтение христианства, и его содержание было скопировано для него, после чего он больше не отрицал желательность такого общества, как предлагаемая Теософическая Ассоциация. Некоторые выдержки из этого раннего письма ясно покажут природу Общества, как она замышлялась тогда, и лучше всего передадут намерения *истинных* инициаторов создания Общества в то время. Этому благочестивому джентльмену, объявлявшему себя *теософом* и притязавшему на право судить других людей, было сказано: “Вы не имеете права на такое звание. Вы лишь *фило-теософ*, ибо достигший полного понимания *имени и природы* теософа не станет заниматься суждениями о людях и поступках..... Вы заявляете, что ваша религия — высший и последний на земле шаг к божественной Мудрости и что она влила в артерии старого разлагающегося мира новую кровь, жизнь и истины, остававшиеся неизвестными иноверам? Если бы это и вправду было так, то ваша религия ввела бы эти высшие истины во все общественные, гражданские и международные отношения христианского мира. Но вместо этого, как всякий может видеть, ваша общественная, как и частная жизнь не основывается на общей нравственной солидарности, а лишь на постоянном взаимном противодействии и чисто механическом равновесии индивидуальных сил и интересов..... Если бы вы были теософом, вы бы не действовали так, как те вокруг вас, что вызывают к Богу Истины и Любви, а служат тёмным силам Могущества, Жадности и Удачи. Мы всматриваемся в вашу христианскую

цивилизацию и видим всё те же стародавние печальные признаки: реалии вашей повседневной жизни диаметрально противоположны вашему религиозному идеалу, но вы этого не чувствуете. Мысль о том, что сами законы, управляющие вашим существованием, будь то в области политики или социальной экономики, болезненно сталкиваются с началами вашей религии, похоже, ни в малейшей степени вас не беспокоит. Но если нации Запада столь глубоко убеждены, что идеал никогда не может стать практическим, а практическое никогда не достигнет идеала — тогда вы должны сделать свой выбор: или ваша религия неосуществима на практике и тогда она не более, чем величественная, но пустая иллюзия, или же она может найти практическое применение, но это вы сами не заботитесь о том, чтобы применить её этику к вашей повседневной жизни..... Потому, прежде чем пригласить другие народы к “королевскому праздничному столу”, от которого ваши гости встают ещё более голодными, чем раньше, вы должны, если хотите привести их к своему образу мысли, заглянуть на те банкеты, которые они вам предлагают..... При преобладании и под властью экзотерических вероисповеданий, являющихся гротескными и измученными тенями теософических реальностей, всегда будут сохраняться всё то же подавление слабых и бедных и всё та же тифоническая борьба богатых и могущественных между собой.... *Лишь одна эзотерическая философия*, духовное и психическое сочетание человека с Природой может, путём открытия фундаментальных истин, принести столь желаемое среднее положение между двумя крайностями человеческого Эгоизма и божественного Альтруизма и в конце концов привести к облегчению человеческих страданий...”

2. Дж. С. Кобб.

3. С годами мудрое правило, согласно которому всякий член, виновный в злословии или клевете, после предоставления достаточных свидетельств должен был исключаться из Общества, перестало действовать. Было два или три отдельных случая исключения за это членов, *не* игравших важной роли. Европейцам с именем и положением позволялось буквально поливать Общество грязью и клеветать на своих братьев с полной безнаказанностью. Это *карма* Президента — и она справедлива.

4. К тому же автор жалоб в “Нескольких словах...” сам является членом Генерального Совета на протяжении более чем двух лет (см. правила 1885 г.). Почему же он молчал раньше?

5. Однако, теософское братство, похоже, обречено перешеголять группу апостолов количеством *отрекшихся* Петров, Фом неверующих, а иногда даже Искариотов, готовых продать своё Братство меньше, чем за тридцать серебряников!

6. Члены Т. О. знают (а тем, кто не знает, следует сказать), что термин “махатма”, ныне оспариваемый и подвергаемый столь тонкому анализу, по неким таинственным причинам никогда не применялся к нашим Учителям до нашего прибытия в Индию. Многие годы они были известны как “Братья-адепты”, “Учителя” и т. д. Это сами индусы стали применять этот термин к двум Учителям. Здесь не место для этимологического исследования уместности или неуместности этой характеристики в данном случае. Махатма как *состояние* — это одно, а как существительное, *маха-атма* (великая душа) — совсем другое. Индусы должны знать значение метафизических санскритских наименований в их применении, и это они были первыми, кто стал так обозначать наших Учителей.

7. “XIV. Общество, занимаясь только научными и философскими предметами и имея отделения в разных частях света, находящихся под разными формами правления, не позволяет своим членам, как таковым, вмешиваться в политику и отрекается от любых попыток со стороны кого-либо проводить таковую за или против каких-либо политических партий или решений. Нарушение этого правила будет наказано исключением.”

Это значительно меняет аспект обвинения; обвинителям, похоже, удобно забыть, что “научные и философские предметы” — не *единственные* объявленные цели Общества. Давайте не оставим места для сомнений, что в мотивах, двигавших обвинителями, было нечто большее, чем чисто *теософические* побуждения.

8. Такое обвинение, как в *произвольной* власти, выдвигается в первый раз с тех пор, как существует Теософическое Общество. Немногих можно найти с таким ходом мыслей.

9. Нет нужды в *окольных* путях говорить, что никакого братства никогда не было бы возможно, если бы много теософов разделяли весьма оригинальные взгляды написавшего это.

10. Это вследствие этого письма в Правила была внесена статья XII, но страх проявить недостаточно предписанного милосердия часто приводил к пренебрежению обязательным её исполнением.

(Собр. соч. Блаватской, т. VII, с.145-171)

Перевод К. Z.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

